

Александр Серафимович

Бой

**Серафимович Александр
Бой**

Александр Серафимович СЕРАФИМОВИЧ БОЙ

Рассказ

То там, то здесь, вспыхивая белыми клубочками, стукнули винтовочные выстрелы. Зататакали пулеметы. И, наполняя осенний воздух тяжелым, значительным и угрожающим, стали бухать невидимые орудия. Неприятель перешел в наступление.

Земля холодная, чуть запорошенная снежком. Ходили туманы, и в цепи, когда лежали, было мучительно холодно.

До этого же три недели стояли красные войска на реке Ик.

Позади лежало до Симбирска четыреста с лишним верст, которые они в сентябре - октябре прошли с боем, взяли Мелекес, Бугульму, а потом гнали белогвардейцев, не успевая прийти с ними в соприкосновение: те рвали мосты, полотно, водонапорные башни, а сами в поездах торопливо уезжали по направлению к Уфе.

Но на реке Ик, верстах в семидесяти от Бугульмы, красные войска замедлили движение: надо было подтянуть правый фланг. Ар-

мия отдала несколько боевых единиц на другие фронты. Сказалась и усталость непрерывных боевых маршей.

Враг воспользовался передышкой и стал копить кулак. Стянул отборные войска: чешские полки, польский легион, офицерский студенческий отряд в пятьсот человек. И, что очень важно для гибкости движения, много кавалерии - казачьи полки.

Командование было вручено маленькому Макензену, полковнику Каппелю, специалисту по окружению и прорывам. Это он, когда Красная Армия дралась под Казанью, сделал знаменитый стовосьмидесятиверстный обход под Свяжском и стал рвать мосты в тылу нашей армии, грозя ей полным поражением. Но слишком оторвался от своей базы и был отбит.

Девятого ноября Каппель превосходными силами обрушился на наш левый фланг по реке Ик.

Красноармейцы дрались ожесточенно. По восьми раз ходили в атаку. Тыл разом переполнился ранеными. Снарядов неприятель не жалел.

К сожалению, без указаний центра часть боевых единиц перед сражением была передвинута с левого фланга к Белебею, чтобы взять его. Победителей ведь не судят. Обошедшее перед тем все газеты известие, что Белебей взят советскими войсками, было тогда ложно - он взят был позже.

Ослабленный левый фланг стал подаваться.

Неприятель тогда кинул полки на правый фланг и центр - и прорвал. Под густым артиллерийским огнем делались все усилия, чтобы отступление шло планомерно и не обратилось в бегство.

На реке Ик рухнул мост. Артиллерия неминуемо должна была попасть в руки врагу.

Холодной ночью столпились на берегу, чуть белевшем снежком, артиллеристы, орудия, красноармейцы, зарядные ящики. Неприятель нещадно наседал. Тогда политком и несколько человек из командного состава кинулись в реку; за ними бросились красноармейцы, подхватывая орудия и перетаскивая на руках.

В ледяной воде, судорожно замирая, оста-

навливалось сердце. Глубина была неровная - то не выше колен, а то с головой. Брод некогда было разыскивать. Кто попадал в ледяную глубину, тонул на глазах товарищей. Кто удержался на более мелком месте с нечеловеческими усилиями, борясь, чтобы не застыть, вытаскивал орудия.

Артиллерия была спасена.

Между тем на левом фланге наступление противника развивалось.

Измученные - не спали по несколько дней подряд, голодные - кухни отбились, иззябшие от лежания день и ночь в цепи, на застывшей земле, еще в летней одежде, - красноармейцы не выдерживали, и полки стали таять.

Продолжая громить с фронта, неприятель бросил массу конницы в глубокий обход тесного левого фланга.

Казачья лавиной обрушилась на глубокий тыл, врубились в обоз и беспощадно стали рубить безоружных обозников. Они заставляли предварительно раздеваться, чтоб не окровавить и не испортить одежды, забирали сапоги, шинели, куртки, штаны, гимнастерки, а потом шашками разваливали головы.

Произошло что-то неопишное.

Повозки, двуколки, люди, лошади - все кинулись беспощадным потоком, давя, ломая, сокрушая друг друга и все на пути.

Пронесли страшные слова: "Обошли!", "Продали!", "Измена!"

Весь левый фланг побежал к Бугульме. Нависла катастрофа страшного разгрома.

На правый фланг и в центр, в дыру прорыва, была двинута 26-я дивизия.

Под страшной угрозой заразиться разливающейся паникой, под напором превосходных сил противника ринулась дивизия на белогвардейцев.

Снова перетасили в ледяной воде артиллерию и дали удивленному врагу жестокий отпор: отняли орудие, несколько пулеметов и погнало. Но чтоб сохранить остатки бегущих полков на левом фланге, чтоб отвести обозы и выровнять фронт, по распоряжению штаба медленно стали отходить, удерживая противника на почтительном расстоянии. И закрепились верстах в двадцати тридцати от Бугульмы.

Левый наш фланг не существовал - весь

был разбит и рассеян. Неприятелю открывался широкий простор, совершенно не защищенный, чтоб ударить на Бугульму, перерезать дорогу и отрезать всю армию от Симбирска.

Он это и сделал.

Он пустил великолепный легион испытанных польских солдат и чехов отборные полки.

Легионеры и чехи шли железной стеной, полторы тысячи штыков, все кося пулеметным огнем и грома артиллерией, даже тяжелой.

Красноармейское командование двинуло навстречу особый социалистический отряд "ЦИКа", как его здесь зовут. В отряде большое число коммунистов. Он нес всего триста штыков. Предстоящий результат сражения для белогвардейцев был ясен; они приготовили донесение в Уфу о взятии Бугульмы и церемониальном марше на Симбирск.

Насколько во вражьем лагере были уверены в предстоящем полном разгроме Красной Армии и восстановлении фронта по Волге - показывает их радиотелеграмма "в Совдепию,

всем, всем, всем".

В этой радиотелеграмме они говорят о поражении, которое нанесли нам, перечисляют разбитые полки, и, надо отдать справедливость, с большой точностью, и говорят о необходимости сложить оружие, так как сопротивление бесполезно.

И вот триста красных штыков, осененных волнующимся социалистическим знаменем, сошлись с полуторатысячью черных от народной крови штыков наймитов.

Закипел бой.

Уверенные в победе, которая, как спелый плод, сама падала в протянутые руки, упоенные катастрофическим разгромом нашего левого фланга, чувствуя громадный численный перевес, легионеры и чехи ринулись на горсть красноармейцев.

Но "ЦИК" оцетинился.

Его пулеметы строчили страшную строчку смерти. Его орудия методически, не спеша, били врага наверняка.

Люди падали с обеих сторон.

Чтобы раздавить эту горсть, легионеры развернулись цепью и пошли в штыки. Со

стороны белогвардейцев это невиданная вещь, они сами здесь никогда не шли в штыки и никогда не принимали штыкового удара.

"ЦИК" тоже развернул цепь и тоже пошел в штыки. Сошлись, на секунду скрестившись, блеснули, и полуторатысячная масса отборнейших польских и чешских бойцов отхлынула и побежала.

Их преследовали, били, кололи и гнали.

Сражение не кончилось, а пулеметы и винтовки "ЦИКа" замолчали: израсходованы все патроны и пулеметные ленты.

Легион закрепился в деревне Байряки и стал расстреливать поредевшую горсть социалистического отряда.

Это был критический момент: поляки и чехи готовились, оправившись, снова ринуться и раздавить храбрецов. Предстояло или медленно отходить, отбиваясь только штыками и кроваво устилая поле своими телами, или брать деревню без единого патрона, без единой ленты.

Командиры скомандовали, и "ЦИК", опустив штыки, кинулся развернутой цепью на

деревню.

Не дожидаясь, легионеры и чехи кинулись бежать. Они пускали в ход нагайки, вырывая у крестьян подводы, толпами кидались на них и нещадно гнали лошадей, только бы ускакать от страшных, молчащих красных штыков. Десятки возов с мертвецами и сотни с ранеными вскачь неслись из сражения, и все поле и деревня были залиты кровью и забросаны бинтами.

Треть красных храбрецов - восемьдесят раненых и одиннадцать убитых лежала на кровавом поле.

Неприятель был наголову разбит и бежал так стремительно, что по всему нашему фронту с ним потеряли всякое соприкосновение, - на всей полосе до реки Ик не было врага.

Но наш фронт не продвинули вперед. Чтобы дать передышку и подготовиться, "ЦИКу" отдали приказание оттянуться назад на двадцать верст и таким образом выровнять фронт.

Красноармейцы со слезами покидали деревню - им казалось преступлением отходить с места, где легли товарищи, которое они так

блестяще взяли.

Фронт выровнялся, закрепился верстах в двадцати - двадцати пяти от Бугульмы. Стали приводить в порядок полки левой группы. Они понесли огромные потери среди командного состава и политических комиссаров, и те и другие все время шли в первых рядах, беспощадно дрались и гибли. Солдаты, которые во время паники разбежались по деревьям, понемногу воротились в свои полки, и части левой группы восстановились.

Производится расследование причины поражения левой группы.

Встречаются красноармейцы:

- Товарищ, дай закурить.

Другой, сбросив мизинцем пепел, благодушно протягивает папиросу.

- Ты, товарищ, какой части?

Тот, наклоняясь и приготавливаясь прикурить, роняет:

- Я, товарищ, такого-то полка левой группы...

Первый разом отдергивает руку с папиросой.

- Пшел к черту!.. Еще бегунам всяким при-

куривать давать. На-кась пососи... резвой!

И это - отношение всей Красной Армии к беглецам.

- Всю армию запакостили. Скидывай штаны, надевай юбку!

Удар для неприятеля был громовой.

Пленные поляки говорят, что ни разу белогвардейские войска не бежали в таком паническом ужасе, как в этот раз.

Взят был в плен денщик одного из белогвардейских офицеров. Денщику приходилось часто вертеться в офицерском собрании. Он слышал, как офицеры говорили, что это их наступление - последняя карта, которая или должна все вернуть - или, если будет битва, с ней все рухнет.

Я ехал на фронт с легким жалом не то что недоверия к тому, что постоянно говорится о внутреннем росте, стройности, крепости и дисциплине Красной Армии, - нет; но я в известной пропорции всегда уменьшал размеры и роста, и дисциплины, и внутренней спайки и теперь с радостью убедился, что дисциплина на фронте растет и что мои "размеры" были приуменьшены.

Теперь, когда доверился своему собственному глазу, скажу: да! У русского пролетариата, у русского беднейшего крестьянства есть армия, есть своя собственная армия!

И есть в этой армии сознание, за что она борется, есть пролетарская дисциплина и, главное, есть животворящая сила внутреннего роста, внутреннего живого развития, сила воссоздания разрушенного.

Не количеством поражений, не числом побед измеряется это животворящее начало, а великой силой самоисцеления.

Разбитая, потрясенная на всем своем протяжении, Красная Армия, судорожно изогнувшись, без помощи извне, откусывает больное место и, выпрямившись, загрызает почти до смерти впившегося в болячку врага.

Одно: есть у пролетариата пролетарская армия!

1918